

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ КОНЦЕПТ ÓS ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Богачёв Р.Е., Мусаелян Е.Н.

Белгородский государственный университет (НИУБелГУ)

Данная статья Богачева Р.Е. и Мусаелян Е.Н. посвящена проблематике определения ключевых концептов древних германцев (в данном случае на примере древнеанглийского языка). Автор исходит из того, что рунический алфавит как система знаков в своём символическом значении может служить отражением древнегерманских ключевых концептов. Само понятие «ключевой концепт» является интуитивно понятным, однако объективных и безусловных характеристик их определения на настоящее время не существует, поскольку они относятся не к системе языка, а к мышлению, что собственно и затрудняет их выделение. На примере эволюции концепта Ós, входящего в систему рунического алфавита, автор рассматривает критические изменения, происходящие с его значением.

Ключевые слова: концепт, руническое письмо, символическое значение, древнеанглийский.

OLD ENGLISH CONCEPT ÓS FROM PAGANISM TO CHRISTIANITY

Bogachev R. E., Musaelyan E.N.

Belgorod State University (NIUBelGU)

This article is devoted to the problem of defining the key concepts of the ancient Germans (in Old English as an example). Authors assumes that the runic alphabet, as a system of signs in its symbolic meaning, may be a reflection of the old Germanic key concepts. The meaning of "key concept" is intuitive , but the objective and definitive characteristics of their determination does not exist, because they do not refer to the system of language , but to thinking that actually hinders their selection. The example of the evolution of the concept Ós, included in the system of the runic alphabet, gives the possibility to examine the critical changes occurring to its core meaning.

Keywords: concept, runic inscriptions, symbolic meaning, Old English.

Введение

Символьное значение рун в руническом письме непременно проявит себя рано или поздно при изучении древнегерманской письменности. Натолкнувшись на такое явление, нельзя не предположить и формирование ключевых концептов древних германцев вокруг, собственно, этого самого значения. Действительно, как использование рун в ритуальных целях, при всего 48 значениях, могло давать ответ на любой бытовой, повседневный вопрос? Мы не рассматриваем в этой статье вопросы возникновения рунического письма и, можно сказать, стоим в стороне от той грандиозной битвы титанов, что развернулась в научном сообществе среди рунологов по этому поводу.

М. Улсен и В. Краузе, Ф. Альтхейм и Э. Траутман высказывали свои предположения. К единому мнению в вопросе символических рун исследователи не пришли до сих пор, слишком мало исследуемого материала и слишком много разночтений и неточностей. Мы уже рассматривали некоторые теоретические аспекты этого вопроса в статьях: «Англосаксонская руническая песнь» как отражение ключевых концептов древнеанглийской концептосферы.» и «Эволюция концепта Ós в древнеанглийской концептосфере».

Цель

В этой статье мы продолжим практическое исследование значений, заложенных в концепт *Ós*, и последовавших позднее изменений внутри самого концепта.

Материал и методы исследования

По словам Вежбицкой: «Нет никакого конечного множества таких слов в каком-либо языке, и не существует никакой «объективной процедуры открытия», которая позволила бы их выявить. Чтобы продемонстрировать, что то или иное слово имеет особое значение для некоторой отдельно взятой культуры, необходимо рассмотреть доводы в пользу этого... было бы смешно критиковать Рут Бенедикт за особое внимание, которое она уделила японским словам *gin* и *on*, или Мишель Розальдо за ее особое внимание к слову *liget* языка илонго на том основании, что ни та, ни другая не объяснили, что привело их к заключению, что указанные слова стоят того, чтобы на них сосредоточиться, и не оправдали свой выбор на основе каких-то общих процедур открытия. Важно, привел ли Бенедикт и Розальдо их выбор к существенным идеям, которые могут оценить другие исследователи, знакомые с рассматриваемыми культурами» [1].

Собственно, символическое значение рун и позволяет частично нивелировать ту неопределённость, которая постоянно имеет место при определении «ключевых слов».

Э.А. Макаев высказал и обосновал предположение о существовании рунического койне, наддиалектного языка, использовавшегося создателями рунических памятников. Язык старших рунических надписей, или руническое койне, можно рассматривать как промежуточное звено между общегерманским языком, познаваемым лишь на основе реконструкции, и древнейшими литературными языками различных германских народностей. [2] Это позволяет в свою очередь говорить об общегерманской концептосфере, а следовательно, и об общегерманских ключевых концептах, представленных руническим письмом.

Возьмём концепт «Бог», являющийся ключевым для русской концептосферы. Действительно, он обладает и достаточно большой частотностью и имеет большой кластер связанных с ним фразеологических единиц. Однако рассматривая диахронически ход развития данного концепта, мы непременно упрёмся в эпоху христианизации Руси, когда и появился данный концепт. Может показаться, что он просто занял место соответствующего концепта, который был в русской концептосфере до него. Ведь в языческой Руси понятие определяющей сверхсущности уже имело место (например, Перун). Однако общее значение, а значит, и функционирование в языке данного концепта «сверх сущности» зависит от того, как его воспринимают в рамках данного этноса, то есть, совокупным набором каких определяющих качеств является эта сверхсущность.

Например, сегодняшний ключевой концепт «Бог» ассоциировано включает в себя такие концепты, как «терпение» (Бог терпел и нам велел), «любовь» (каждый за себя, один Бог за всех). Дохристианская сверхсущность такие качества не включала. Следовательно, можно говорить, что хотя ключевой концепт «Бог» и занял уже существующую нишу в русской концептосфере, качественно этот концепт очень сильно изменился, что и отразилось в языке (хотя бы на уровне фразеологических единиц).

Рассматривая ключевые концепты, скажем, древнеанглийского дописьменного периода мы можем только предполагать, основываясь на первых письменных памятниках, не связанных с христианством.

И вот тут уместно вспомнить об общегерманском руническом письме.

Руническое письмо употребляется германцами начиная со 2–3 в н.э. Древнейшая система рунического письма – 24-значный алфавит. Каждая Руна занимала в нем определенную позицию, и вместе они образовывали рунический ряд, соответственно последовательности его первых шести знаков обычно называемый «футарком» (fuþark – futark).

В данной статье мы не планируем рассматривать вопросы, связанные с возникновением рунического письма, так как на настоящее время однозначных ответов на них нет. Тем более что нашего исследования напрямую это не касается.

В указанных выше работах мы приводили критические замечания Ф. Аскеберга по поводу символических рун, как, собственно, и свои выводы по этому поводу и объяснили решение вернуться к рассмотрению этой проблемы на современном этапе развития лингвистической науки.

У Аскеберга на первый план выдвинута коммуникативная функция рунического письма, поскольку и магическое заклинание может рассматриваться как своего рода сообщение. Вместе с тем отвергается распространенное ранее представление о магической сущности самих рун (знаков). «Буквенная магия, рунические имена и порядок следования рун являются вторичными явлениями». [3]

Однако в рамках когнитивного подхода данная область применения рун становится достаточно важной, так как, на наш взгляд, по сути, является культурным отражением ключевых концептов концептосферы древних германцев.

В предыдущих работах мы рассматривали древнеанглийское слово явно христианской парадигмы *Drihten*.

В древнеанглийской языковой картине мира существовал концепт *Ós*, который обозначал некоторую «сверхсущность», то есть Бога. «Руническая поэма» даёт такое определение концепта *Ós*:

*Ós biþ ordfruma · æfcra spræce,
wisdómes wrapu · ond wítana frófor,
ond eorla gehwám · éadnes on tóhiht.*

То есть это «повелитель мудрости и всего сказанного» и «владыка надежд и счастья каждого». Перевод часто даёт значение слова *Ós* в двух вариантах: *Бог* и *Ром*. Скорее речь идёт об игре слов. Если брать перевод с латинского, то это *Ром*. Однако, сравнивая древнеанглийскую руническую песнь с древнеисландской, можно найти исходное значение рун:

*(Óss) er aldingautr ok Ásgarðs jǫfurr
ok Valhallar vísi.*

То есть, «Владыка Асгарда, вождь вальгаллы». Несложно построить смысловую цепочку: *Ós* -> *Óss* -> *Áss*. Это, своего рода инварианты древнескандинавского обозначения концепта «Бог». В свою очередь, древнескандинавское *Áss* происходит от древнегерманского **ansuz*, обычно переводимое как «дух», «дыхание».

Можно предположить, что древнегерманское поклонение духам впоследствии переросло в полноценный пантеон, состоящий из «Асов» – уже полноценных языческих богов.

Но вот приходит эпоха христианства. Под влиянием мощного экстралингвистического фактора христианизации концепт «сверхсущности» в том виде, в каком он существовал до этого, должен исчезнуть. Язычество усиленно вытесняется из всех сфер деятельности. Однако, поскольку это ключевой концепт древнеанглийской концептосферы, то он проявляет присущую этому виду концептов гибкость и устойчивость.

Возьмём, например, древнеанглийский заговор «**CHARM FOR A SUDDEN STITCH**». Там есть такие строки:

Hal westu, helpe ðin drihten!

«Будь здрав и да поможет тебе господин\Лорд».

Что же имеется в виду под нейтральным словом *drihten*? Понятно, что это Бог. Учитывая, что он находится в контексте с такими словами, как «эльфы» и «ведьмы», можно предположить что-то языческое. Да и сам заговор от внезапной боли указывает на её происхождение от «стрелы эльфа». В данном контексте уместно было бы поставить одного из германских богов, например, Одина. Однако в тексте стоит *drihten*.

(Вот какой пример даёт в своём словаре Joseph Bosworth.

Ēce Drihten wið Ahrahame spræc the Lord eternal spake with Abraham, Cd. 106; Th. 139, 1; Gen. 2303. Ic eom Drihten ðīn God ego sum Domīnus Deus tuus, Ex, 20, 2. Purh ūrne Drihten Crist through our Lord Christ [4]),

Однако более конкретные указания на древнегерманских богов отсутствовали. Теперь же мы рассмотрим другой фрагмент древнеанглийской литературы «Закливание девяти трав Одина». (WODEN'S NINE HERBS CHARM) (Текст дается в нормализации Бенджамина Слейда <http://www.heorot.dk/> [5]).

+ Gemyne ðu, mucgwyrt, hwæt þu
ameldodest,
hwæt þu renadest æt regenmelde.
Una þu hattest, yldost wyrta.
Ðu miht wið III and wið XXX,
þu miht wiþ attrē and wið onflyge,
þu miht wiþ þa{m} laþan ðe geond lond
færð.
Ond þu, wegbrade, wyrta modor,
eastan op{e}no, innan mihtigu;
ofer ð{e} cræt{u} curran, ofer ð{e} cwene
reodan,
ofer ð{e} bryde bryodedon, ofer ð{e}
fearras fnærdon.
Eallum þu þon wiðstonde and
wiðstunedest;
swa ðu wiðstonde attrē and onflyge
and þæm laðan þe geond lond fereð.
Stune hætte þeos wyrt, heo on stane
geweox;
stond heo wið attrē, stunað heo wærce.
Stiðe heo hatte, wiðstunað heo attrē,
wreced heo wraðan, weorped ut attor.
+ Þis is seo wyrt seo wiþ wyrm gefeahþ,
þeos mæg wið attrē, heo mæg wið onflyge,

heo mæg wið ða{m} laþan ðe geond lond
fereþ.
Fleoh þu nu, attorlaðe, seo læsse ða maran,
seo mare þa læssan, oððæt him beigra bot
sy.
5 Gemyne þu, mægðe, hwæt þu ameldodest,
hwæt ðu geændadest æt Alorforda;
þæt næfre for gefloge feorh ne gesealde
syþðan him mon mægðan to mete
gegyrede.
Þis is seo wyrt ðe wergulu hatte;
ðas onsænde seolh ofer sæs hrygc
ondan attres oþres to bote.
10 Ðas VIII {m}agon wið nygon attrum.
+ Wyrm com snican, toslat he {m}an;
ða genam Woden VIII wuldortanas,
sloh ða þa næddran, þæt heo on VIII
tofleah.
Pær geændade æppel and attor,
þæt heo næfre ne wolde on hus bugan.
15 Fille and finule, felamihtigu twa,
þa wyrte gesceop witig drihten,
halig on heofonum, þa he hongode;
sette and sænde on VII worulde
earnum and eadigum eallum to bote.

Stond heo wið wærce, stunað heo wið attre,

seo mæg wið III and wið XXX,
wið <feondes> hond and wið freab{r}egde,

wið malscrunge m{a}nra wihta.
+ Nu magon þas VIII wyrta wið nygon
wuldorgeflogegum,
wið VIII attrum and wið nygon
onflygnum,
wið ðy readan attre, wið ð{y} ru{t}an attre,

wið ðy hwitan attre, wið ðy {hæwe}nan
attre,
wið ðy geolwan attre, wið ðy grenan attre,

wið ðy wonnan attre, wið ðy wedenan attre,

wið ðy brunan attre, wið ðy basewan attre,
wið wyrmgeblæd, wið wætergeblæd,
wið þorngeblæd, wið þystelgeblæd,
wið ysgeblæd, wið attorgeblæd,
gif ænig attor cume eastan fleogan
45ððe ænig norðan cume
oððe ænig westan ofer werðeode.
+ Crist stod ofer a{dl}e ængan cundes.
Ic ana wat ea rinnende
þær þa nygon nædran <nean> behealdað;
motan ealle weoda nu wyrtum aspringan,
sæs toslupan, eal sealt wæter,
ðonne ic þis attor of ðe geblawe.

Обратим внимание на следующие моменты:

Þis is seo wyrt seo wiþ wyrm gefeaht

«Это растение полезно в битве со змеем».

И дальше...

*Wyrm com snican, toslat he {m}an;
ða genam Woden VIII wuldortanas,
sloh ða þa næddran, þæt heo on VIII tofleah.
Þær geændade æppel and attor,
þæt heo næfre ne wolde on hus bigan.*

«Змей приполз, разорвал человека

Тогда взял Один девять волшебных прутьев

Ударил затем гадюку, что она на девять (кусков) разлетелась

Там соединил яблоко и яд

Чтобы она никогда не смогла в доме существовать».

Снова встречаются «змей» и «яблоко»...

Ну и совсем уж многозначная строка:

*þa wyrte gesceop witig drihten,
halig on heofonum, þa he hongode;
«Были сотворены мудрым Лордом
Святым на небесах, когда он висел».*

Тот же самый *drihten*, но уже не в определённо языческом окружении. Тут «Лорд» указывает явно на Одина, рассматривается как святой, проживающий на небесах. А главное, Он «висит». Напрашивается невольная аналогия Одина с Христом, поскольку Один для получения мудрости висел на дереве, пронзённый копьём.

Вывод

Как видно, тут существует некий синкретизм дохристианских верований и собственно христианской культуры. Многие герои героического эпоса либо побеждали змей, либо погибали от змей. Этот момент в христианских и языческих учениях развивался независимо, однако, это совпадение помогло идентифицировать Одина как Христа и безболезненно заменить содержание концепта «Бог». Ну а определение Одина как «висящего Лорда» абсолютно точно укладывалось в рамки христианской парадигмы, позволяя идентифицировать его как «висящего Христа». Да, экстралингвистические факторы того времени говорят об относительно безболезненной христианизации северных германцев. То есть концепт как лингвокультурологическая единица трансформировал свое содержание под новую реальность, сохраняя при этом свое место в языковой картине мира.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Макаев Энвер Ахмедович. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). Изд. 2-е, стереотипное / Под ред. М. С. Кожуховой. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 156 с. (История языков народов Европы.).
3. Askeberg F. 1944. Norden och kontinenten i gammal tid. Uppsala.
4. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. / Ed. T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898. – P. 213.
5. [Beowulf on Steorarume](http://www.heorot.dk/beowulf-on-steorarume) (Beowulf in Cyberspace) [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.heorot.dk/beowulf-on-steorarume_front-page.html (дата обращения 1.12.2014).

Рецензенты:

Бондаренко Е. В., д.фил.н., доцент, профессор кафедры второго иностранного языка НИУ БелГУ, г. Белгород.

Федуленкова Т.Н., д.фил.н., профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», г. Владимир.